

Содержание

<i>Вступление</i>	5
<i>Предисловие</i>	9
<i>Введение</i>	13
Глава 1. В преддверии	17
Глава 2. Новые люди	33
Глава 3. Первые долой	53
Глава 4. Ярославль	96
Глава 5. Контрабандистка	136
Глава 6. Эмиграция	174
Глава 7. Возвращение	205
Глава 8. После забастовки	220
Глава 9. Преддумье	239
Глава 10. Таврический дворец	265
Глава 11. Мы и они	291
Глава 12. Обвал	317
Глава 13. Революция продолжается	342
Глава 14. Дума за работой	369
Глава 15. Кадетская партия	393
Глава 16. Кооперация	420
<i>Фотоархив</i>	435

Вступление

*...только в свете прошлого мы, ...поколение,
которому пришлось строить настоящее
и стараться формировать будущее, можем
понять себя или надеяться, что нас поймут
потомки.*

ВЕРА БРИТТЕН. Заветы юности

Маленькой девочкой в середине 1950-х годов я жила в Вашингтоне с моей прабабушкой, Ариадной Владимировной Тырковой-Вильямс, моими дедушкой и бабушкой, ее сыном, Аркадием Альфредовичем Борманом, и его женой, Тамарой Викторовной (урожд. Дроздовой). Я помню, как с прабабушкой часто гуляла по Зоологическому саду и мы всегда останавливались, чтобы полюбоваться ее любимыми цветами — ландышами. Мне казалось, она любила их потому, что они напоминали ей о Вергеже, семейном поместье Тырковых на реке Волхов. Я также помню, как часто сидела у нее на коленях, когда мы за ее письменным столом играли с маленькими игрушечными фигурками, которые до сих пор у меня сохранились.

Для меня Ариадна Владимировна была доброй любящей «гренни». Благодаря моему дедушке я со временем начала понимать ее место в российской истории. Он часто говорил

мне: «У тебя была замечательная прабабушка». В предисловии к своей книге о матери он написал: «По разнообразию своих интересов и проявлениям своей личности моя мать была совершенно исключительным человеком»*. Он сознавал важность ее общественной и журналистской деятельности, значимость ее вклада в российскую историю и необходимость сохранить это все как ее наследие и живую о ней память.

Дедушка Аркадий для меня был ближайшей живой связью с моей семьей и нашим русским историческим прошлым. Он сделал все возможное, чтобы рассказать мне о жизни нашей семьи в России до революции и в последующие годы эмиграции. Устно и письменно, через множество личных историй и старых фотографий он передал мне знания о роли моей прабабушки в российской истории конца XIX и начала XX века и ее журналистской работе, которую она посвятила борьбе за свободу своей русской родины и которую она продолжала вплоть до своей смерти в 1962 году. Кроме того, он написал свои личные воспоминания, предназначенные исключительно для меня, как своей единственной наследницы. Он подключил меня к делу сохранения больших объемов семейных архивов до того времени, когда стало возможным их безопасноеозвращение в Россию. Ряд материалов и писем дедушка передал Бахметевскому архиву русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке, где было организовано собрание рукописей Ариадны Влади-мировны. Я ему благодарна за то, что он привил мне любовь к этому наследию.

«На путях к свободе» — это вторая часть воспоминаний Ариадны Тырковой-Вильямс, опубликованных под названием

* Борман А. А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. — Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 5.

«То, чего больше не будет»*. По словам автора, обе части составляют продолжающийся рассказ о виденном и слышанном. Первая часть — это семейная хроника, а вторая часть — это более всего политическое повествование о борьбе за свободу и народное представительство — эпоха Государственной думы. Или семейная хроника, или политическое повествование, обе части составляют собой целостный набор картин, иллюстрирующих период исторического преобразования.

Выражаю признательность Государственному архиву Российской Федерации (ГА РФ) за помощь в завершении миссии моего дедушки по возвращению рукописей Ариадны Тырковой-Вильямс в Россию, где ее труды и наследие будут сохранены и защищены. И также выражаю мою искреннюю благодарность Ларисе Александровне Роговой, Сергею Владимировичу Мироненко, Алексею Алексеевичу Литвину и другим сотрудникам ГА РФ, без устали трудившимся над организацией Архивного собрания Ариадны Тырковой-Вильямс. Благодарю Ирину Гусинскую, Алину Книжник, Анну Деркач и всех других сотрудников издательства «Альпина Паблишер» за информацию о растущем интересе современных российских читателей к тем временам, когда жила Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс. Их благодарю также за интерес, инициативу и сотрудничество по переизданию «На путях к свободе». Наконец, благодарю моего мужа, прот. Василия Лихваря, за поддержку и помошь в осуществлении этого проекта.

ЕКАТЕРИНА ЛИХВАРЬ

Февраль 2025 г.

Камберленд, Род-Айленд

* Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. — Париж: Возрождение, 1954.

Предисловие

Самостоянье Ариадны Владимировны
Тырковой-Вильямс

*Теперь я знаю, что мир был бы несравненно счастливее,
если бы хорошие русские люди меньше поддавались
заморским ученым и больше вдумывались бы в прошлое
и настоящее своего народа.*

А. В. Тыркова-Вильямс

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), крупнейшем федеральном архиве России, в фондах которого среди более чем 7 млн единиц хранения, есть абсолютная «архивная жемчужина» — документы личного архива члена кадетской партии с 1906 года Ариадны Владимировны Тырковой-Вильямс (13 [25] ноября 1869 года, Санкт-Петербург — 12 января 1962 года, Вашингтон). Ариадна Владимировна прожила долгую жизнь — без малого век. Как незаурядная личность она стала известной и популярной журналисткой, видной общественной деятельницей, известной не только в политических кругах Петербурга.

В основе ее мировоззрения лежала идея государственности, планомерную работу по созданию новой России она считала приоритетной для партии. Тыркова призывала идти в гущу

жизни, прорастать корнями в широких общественных слоях. В качестве первоочередной задачи на заседаниях ЦК она выдвигала задачу политического воспитания масс, расширения социальной опоры партии, включения в программу партии пункта о предоставлении женщинам избирательных прав.

А. В. Тыркова обладала несомненным литературным даром. Ее перу принадлежат рассказы, эссе, повести, романы («Жизненный путь», «Ночью», «Добыча»), печатавшиеся в известных и популярных журналах. Она — автор одной из наиболее полных биографий А. С. Пушкина, над которой трудилась более 30 лет.

Тыркова категорически отвергла большевистский режим, участвовала в выпуске газеты «Борьба», призывающей к активному сопротивлению советской власти, выступала на митингах. После разгрома Учредительного собрания покинула Россию.

Архив А. В. Тырковой в 2008 году передали в ГА РФ ее потомки: правнучка Екатерина Куртовна Лихварь и ее супруг отец Василий, настоятель церкви в Род-Айленде, что на границе с Канадой. Сама мысль о возвращении уникальных документов возникла не спонтанно. Когда семья Екатерины и отца Василия переезжала в новый дом и паковались вещи, был обнаружен конверт с надписью, сделанной рукой ее сына Аркадия Альфредовича Бормана: «Вернуть в Россию, когда она станет свободной».

Это завещание, ждавшее своего часа многие годы, было исполнено. В Россию вернулись более 12 000 документов, все они сегодня доступны для исследований в читальном зале ГА РФ (Документы Тырковой-Вильямс А. В. за 1874–1972 годы. Фонд № 10230). Переломный для истории России 1917 год, активным участником событий которого была А. В. Тыркова, нашел отражение в ее записях, дневниках, обширной переписке с Н. Бердяевым и В. Набоковым, П. Милюковым, А. Деникиным и В. Врангелем, А. Ремизовым и многими другими выдающимися политическими и общественными деятелями, представителями науки и культуры.

В фонде хранятся не только документы самой А. В. Тырковой-Вильямс и ее сына Аркадия Альфредовича Бормана (за 1874–1974 годы), но и значительный корпус изобразительных материалов за 1814, 1889, 1900–1962, 2005, 2008 годы (фотографии, репродукции и др.) и предметы за 1900–1956 годы (пишущие машинки с русским и английским шрифтами времен жизни вне России; чемодан, видевший много разных дорог; магнитофонная катушка с записью выступления А. В. Тырковой-Вильямс в Великобритании в 1926 году).

Переиздание книги «На путях к свободе» возвращает читателя к творчеству выдающегося деятеля русского освободительного движения А. В. Тырковой, внимательное изучение документального наследия которой — женщины невероятно смелой, последовательной в своих поступках и преданной своему Отечеству (как бы далеко она от него ни находилась) — позволяет составить более точный, достоверный ее «жизни портрет», к которому вполне можно предпослать строки столь любимого ею А. С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.)

Директор Государственного архива
Российской Федерации Лариса Роговая
Научный руководитель Государственного архива
Российской Федерации Сергей Мироненко

Введение*

Мое детство и юность совпали с той переходной эпохой, когда Россия перестраивалась с крепостного на свободный труд. Мой отец был крупным и безденежным новгородским помещиком. Он кончил Училище правоведения, был мировым посредником первого призыва, мировым судьей на Охте, где я и родилась в 1869 году, 13 ноября. Потом он перешел в Министерство финансов. Зимой мы жили в Петербурге, летом на Вергеже, в родовом тырковском имении на Волхове. Вергежа для моих родителей, для всех нас семерых братьев и сестер, для наших детей была радостью и опорой. Через нее были мы глубоко связаны с деревенской, крестьянской, со всей русской жизнью. И с природой. Обо всем этом я писала в воспоминаниях о моем детстве и молодости. Они печатаются в парижском журнале «Возрождение». В настоящей книге, перед тем как рассказать об Освободительном движении, свидетельницей и участницей которого я была, я скажу только несколько слов, откуда пришло, как зарождалось во мне то политическое беспокойство, которое понудило меня присоединиться к бурной борьбе с исторической властью. Огромное, любовное влияние имела на нас, детей, моя мать. Она была убежденной шестидесят-

* Лексические и стилистические особенности речи автора полностью сохранены.

ницей. Либеральные взгляды она почерпнула из христианского учения и из книг. Могла их перенять и от своего отца. Он был офицер, служил в Аракчеевских военных поселениях, которые тянулись напротив нас по правому берегу Волхова. Вергежа была на левом берегу. Судя по рассказам матери, не только мой дед, но и некоторые его сослуживцы были люди просвещенные, гуманные. Деда я не знала, он умер до моего рождения, но косвенное влияние на меня оказал. В амбаре, на пыльном чердаке, в ящике с его книгами я нашла объемистый том в кожаном, с золотым тиснением переплете. Это была иллюстрированная «История жирондистов» Ламартина, чуть ли не первое парижское издание. Я ее несколько раз перечитала. Эти рыцари свободы остали глубокий след, заразили меня своим человеколюбивым безумием. Мне, конечно, и в голову не приходило, что придет время, когда я буду окружена такими паладинами свободы, буду делить их мечты. И их безумие.

Мне было тогда лет тринадцать. Не только Ламартин, но и другие книги, разговоры, события, арест и ссылка в Сибирь моего брата Аркадия, все это толкало — не скажу мысли, какие в этом возрасте мысли? — а чувства в определенную сторону. Еще более глубокое, чем от Ламартина, влияние, более повторное внушение, да еще ритмическое, шло на меня от Некрасова. Его гражданская поэзия, его призыв — «где трудно дышится, где горе слышится, будь первым там», его «Русские женщины» — все волновало наше пробуждающееся сознание. Я говорю во множественном, потому что в гимназии княгини А. А. Оболенской, где я училась, у моих подруг тоже были ищущие умы. Среди учащих и учащихся царил дух просвещенного гуманизма, за которым наше чуткое ухо ловило косвенное порицание многих русских порядков.

Для меня гимназия была еще дорога тем, что там я научилась дружбе. Самыми близкими моими школьными прият-

тельницами были Вера Черткова, дочь обер-егермейстера Г. А. Черткова, который смолоду зачитывался Герценом и тайком привозил из Лондона «Колокол». Лида Давыдова, дочь К. Ю. Давыдова, известного виолончелиста и директора Петербургской консерватории. Позже она вышла замуж за одного из первых русских марксистов, за М. И. Туган-Барановского. И, наконец, Надя Крупская, позже жена Ульянова-Ленина. Они с матерью, вдовой судейского чиновника, жили на пенсию более чем скромно, но уютно, тепло. Эти три мои самые близкие гимназические подруги принадлежали к совершенно различным кругам петербургского общества, но у всех, как и у меня самой, были дерзкие, беспокойные мысли. Это вообще свойственно юности. Но на нас действовала и эпоха. В ней шевелилась, таилась потребность к протесту, к резкой перемене в общественной жизни. К свободе мыслей и действий.

Это сказалось еще при Александре III, после неурожая 1891 года, когда правительство было вынуждено на время примириться с участием общественных деятелей в борьбе с голодом. В этой работе я участия не принимала. Я уже была замужем. У меня был сын. Позже родилась и дочь. На несколько лет я ушла в семейные радости и печали. Но с книгами я не расставалась, и ход мыслей моих не обрывался. К чему они меня привели, об этом я и говорю в настоящей книге.

В ней я рассказываю о людях, которые добивались политической свободы, но их политические мысли и доводы передаю как можно короче. Они все это изложили сами в своих статьях, книгах, речах, гораздо лучше, чем я могу это сделать по памяти. Моя задача — передать их душевный склад, ту общую психологическую среду, в которой происходило Освободительное движение. По мере сил запечатлеть отдельный облик каждого — самое трудное в писательстве.

Я начала писать воспоминания под немецкой оккупацией, без книг, приготовила их к печати позже, в Версале и Нью-Йорке, где могла бы достать книги, касающиеся той эпохи. Но я не сделала этого. Я поставила себе задачей передать только мой личный опыт, связанный с этим важнейшим отрезком русской истории. Я сделала исключение только для главы «Революция продолжается». Я взяла для нее из крайне интересной книги В. А. Маклакова, «Вторая Дума», сведения о попытке Столыпина говориться с кадетами, так как считаю этот эпизод необычайно показательным и для власти, и для оппозиции, а сама я о нем почти ничего не знала.

И еще несколько справок я взяла из воспоминаний А. А. Кизеветтера, «На рубеже двух столетий». Остальное написано по памяти.

АРИАДНА ТЫРКОВА-ВИЛЬЯМС

Февраль 1952 г.

Нью-Йорк

Глава 1

В преддверии

Я не пишу истории, у меня нет под рукой ни книг, ни документов, нет даже заметок, которые я иногда делала. Это только воспоминания, рассказ о том, что я видела, слышала, среди чего росла и жила. Пишу только то, что удержалось в памяти. Начала писать в конце 1940 года в По, в небольшом городке, на юге Франции, с чудесным видом на Пиренеи. Сейчас пишу в Гренобле с не менее чудным видом на Альпы. Где буду кончать? Удастся ли кончить? Кто знает? В 73 года на завтрашний день смотришь осторожно, особенно сейчас, в 1943 году. Но я постараюсь сохранить в памяти людской то, чему была свидетельницей, иногда участницей, передать нарастание, дыхание событий, над которыми будущим историкам предстоит ломать голову. Если только история, книгопечатание, библиотеки, архивы, все, из чего слагается культура, не будет снесено бурями.

Воспоминания мои я принялась писать, потому что считаю необходимым удержать память о нашей эпохе, завершившей определенный период русской жизни, а может быть, и не только русской. О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю. И я была частицей, хотя и малой, того оппозиционного кипения, которое тогда же стали называть Освободительным движением. Теперь, после всего, что терпит Европа, чем болеет Россия, я иначе отношусь ко многому, что тогда происходило, в чем я так или иначе принимала участие.

Мне виднее стали наши слабости, ошибки, заблуждения. Но я не отрекаюсь от своего прошлого, от основных идеалов права, свободы, гуманности, уважения к личности, которым и я, по мере сил, служила. Я горько сожалею, что наше поколение не сумело их провести в жизнь, не сумело, не смогло утвердить в России тот свободный демократический строй, к которому мы стремились. Екатерина II говорила, что ставит себе целью блаженство каждого и всех. В этих словах много мудрости. Под всеми она разумела Россию. Мы перенесли центр тяжести на каждого, забывая завет другого великого государя, Петра I: была бы Россия жива... Забывали не потому, что хотели гибели России, а по ребяческой, невдумчивой уверенности в ее незыблемости.

Но в основе наших страстных домогательств было стремление ко всеобщему блаженству, а не к своему личному благополучию, а уж тем более обогащению, как это часто бывало с политиками в Европе. Зато в русской оппозиции было много незрелого, наивного, непродуманного и, что оказалось опаснее всего, много государственного простодушия.

Чем больше память возвращает меня к тому прошлому, тем с большим удивлением замечаю я, что европейские потрясения и обвалы, среди которых приходится жить сейчас, преемственно связаны с тем, что думали и делали мы, русские, полвека назад. Если бы в конце прошлого и в начале нынешнего столетия наиболее деятельная, настойчивая, увлекающаяся часть русского общественного мнения не была слепа к русской действительности, не была одержима страстью к протесту, не было бы двух европейских войн, не было бы азиатских волнений, и я спокойно писала бы мои воспоминания дома, в России, а не на чужбине. Но случилось иначе.

Вышло так, что то, что мы считали нашим русским делом, нашей русской борьбой за новую жизнь, превратилось в преди-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru